12+

ХАЯТ

ШЕРМУХАММАД САДУЛЛОЕВ

Шермухаммад Садуллоев

Хаят

«Издательские решения»

Садуллоев Ш.

Хаят / Ш. Садуллоев — «Издательские решения»,

«Хаят»В разгар суровой зимы маленькая Хаят остаётся один на один с холодом, голодом и тишиной после ухода самого близкого человека — мамы. День за днём она пытается выжить, цепляясь за воспоминания, маленькие радости и обещания, которые когда-то согревали её сердце. Но пока ребёнок ждёт помощи, взрослые проходят мимо. Это пронзительная история о детском одиночестве, материнской любви и равнодушии, которое порой оказывается страшнее самой зимы.

© Садуллоев Ш.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
День 1 8
День 2 11
День 3 14
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Хаят

Шермухаммад Садуллоев

© Шермухаммад Садуллоев, 2026

ISBN 978-5-0071-8104-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Хаят проснулась от холода. Нос был ледяной, а под одеялом тепло, как в норе. Глаза она не открыла. Сначала посмотрела на одеяло сбоку, через щёлку. Одеяло поднялось. Опустилось. Поднялось. Тогда она открыла глаза совсем.

На стекле изнутри выросла белая шерсть. Хаят потрогала её пальцем, и палец стал мокрым.

— Не лежи, — сказала мама, не открывая глаз. — Пол остынет совсем.

Пол уже остыл. Хаят сунула ноги в мамины носки, которые были ей до колен, и пошла к печи. В углу за печью было темно. Она не смотрела туда, только подавала щепки. Мама сидела на корточках, зелёный платок съехал ей на плечо. Она ставила щепки домиком. Чиркнула спичкой, и огонь сначала прилип к бумаге, а потом побежал вверх.

— Дуй.

Хаят дунула. Огонь лёг на бок и встал обратно. Мама коротко рассмеялась, как выдохнула. Хаят запомнила этот звук и положила туда, где держала такие вещи.

С азаном они пили кипяток. Мама взяла чашку с трещиной, как всегда. Хаят взяла целую и грела об неё ладони.

— Воды нет, — сказала мама и заглянула в ведро.

Колонка стояла в двух кварталах. Ведро было больше, чем нужно для её рук, и она несла его двумя, перед собой, пока оно не било по коленям. У красной стены ветер ударил в бок, и она пошла боком. Воду колонка отдавала рывками, холодную до боли в зубах. Хаят налила половину, больше не донесёт. Первый раз она остановилась у красной стены, второй у забора с синей дверью, третий почти у дома. У калитки сидел Ахмед. Он посмотрел на ведро, потом на её ноги, потом снова на ведро. Она донесла до двери и только тогда поставила.

Мама налила воду в кастрюлю и ушла. Платок она повязала на голову, уголки завязала под подбородком. На рынке ждали полы.

Хаят вытерла пролитое краем тряпки и повесила тряпку на печь. Потом вышла во двор.

Во дворе лежали кирпичи, битые, с отколотыми углами. Она строила из них дом. Стены она выкладывала так, чтобы дверь смотрела на калитку. Кукла сидела внутри, спиной к стене. Лица у куклы не было, только узел вместо головы.

— Тут ты спишь, — сказала Хаят. — Тут я. Тут мама.

Тимур прошёл мимо и ногой выбил верхний кирпич.

— У тебя нет отца, — сказал он.

— Есть, — сказала Хаят.

— Где?

Она не знала, где. Положила кирпич обратно. Тимур постоял и ушёл.

В полдень вышла Фатима с ковшом и тряпкой на плече. Посмотрела на дом из кирпичей, на Хаят, на куклу.

— Всё сидишь. Держи.

Хлеб был серый, ещё мягкий в серёдке. Хаят взяла двумя руками.

— Спасибо.

— Бог даст, — сказала Фатима и пошла дальше.

Хаят съела половину. Вторую половину завернула в край платья и сунула в карман, к камешкам. Камешки стукнулись о хлеб глухо.

Мама вернулась, когда азан позвал в последний раз. От неё пахло водой и луком. Она поставила на стол две луковицы и одну картошку и села на табурет, не снимая платка. Руки у неё были красные, с белыми трещинами у ногтей. Хаят смотрела на эти руки и не спрашивала.

Картошку мама сварила и разрезала ножом пополам. Одна половина была больше. Мама подвинула её к Хаят.

— Я не голодна.

Хаят ела медленно. Сначала шкурку, потом середину, и каждый кусок держала во рту, пока он не становился тёплой кашей. Мама сидела напротив и смотрела, как она ест. Свою половину она держала в руке.

— Мам. Ты не будешь?

— Буду.

Мама откусила. Хаят смотрела, как она жуёт. Потом залезла в карман, достала хлеб и положила на стол, рядом с маминой рукой. Он был тёплый от её ноги и немного помятый.

Мама посмотрела на хлеб. Потом на неё. Ничего не сказала. Отломила маленький кусочек, самый маленький, и положила в рот.

Ночью они легли на один матрас, под одно одеяло. Печь остыла, и холод вернулся в комнату тихо, как кошка. Хаят прижалась спиной к маминому животу. Мама обняла её. Рука лежала на её животе тяжело, как тёплый камень.

— Расскажи про птицу.

Мама рассказала. Девочка нашла птицу, и в хвосте у птицы было перо, золотое, и оно горело, как маленькая печка. Хаят слушала с закрытыми глазами. Конец она опять не дослушала.

Мама замолчала. Потом сказала у самого её уха:

— Ты моя жизнь.

Хаят не поняла. Жизнь — это было что-то большое, с чем нельзя лечь под одно одеяло. Она хотела спросить, но слова не нашлись, а вдох уже пошёл дальше.

Она стала считать вдохи. Один. Два. Три. На десяти она сбилась и начала сначала.

Утром она проснётся и снова будет считать мамины вдохи. И они будут. Ещё два дня.

День 1

Хаят проснулась, когда в комнате было уже светло. Так не бывало. Мама вставала раньше света.

Она посмотрела на одеяло сбоку, через щёлку. Одеяло поднималось медленно. Она досчитала до трёх, и оно опустилось. Ещё раз до трёх. Хорошо.

Мамины глаза были открыты. Мама смотрела в потолок, туда, где побелка осыпалась пятном, похожим на лужу.

— Сейчас, — сказала мама. — Сейчас встану.

Азан Хаят пропустила. Значит, спала крепко. Она подождала. Мама не вставала. С той стороны, где мамы не было, холод лез под одеяло, как вода под дверь.

Хаят вылезла сама. Носки лежали у ног. Она надела их и пошла к печи.

Щепок осталось четыре и одно полено, толстое, которое она не могла поднять одной рукой. Она поставила щепки домиком, как делала мама, а бумагу сунула под низ. Коробок был лёгкий. Первая спичка сломалась пополам. Вторая прилипла к бумаге и умерла.

— Бумагу скомкай, — сказала мама с матраса. Тихо. — Так лучше.

Хаят скомкала. Третья спичка загорелась. Дуть она не стала, как вчера. Подождала. Огонь постоял, потом пошёл вверх по щепкам. Она оглянулась. Мама смотрела на неё и улыбалась одним углом рта. Хаят подождала ещё, но смех не пришёл.

Мама села. Это заняло долго: сначала локоть, потом плечо, потом остальное, и между каждым была пауза. Потом она встала, держась за стену, и подошла к столу. Хлеб лежал там, остаток вчерашнего, половина от половины. Мама разломила его. Большую часть положила перед Хаят. Себе взяла крошку, одну, с ногтя.

— Ешь.

Хаят ела. Хлеб был твёрдый, и она держала его во рту, пока он не становился мягким. Мама стояла рядом, положив руку на стол, и смотрела в окно. Окно выходило в колодец двора. Там ничего не было.

Воды в кастрюле осталось на два глотка. Мама заглянула в ведро и повернула его к Хаят пустым дном.

Хаят взяла ведро.

Ветер с утра был солёный. Воду она принесла быстро, половину ведра, и остановилась три раза, как всегда.

Мама уже стояла там, в пальто. Пальто было чёрное, с вытертыми локтями, и обычно висело на гвозде у двери, на втором гвозде, вбитом криво. Мама надевала его, когда ветер был сильный. Платок она повязала поверх. Руки поднимались до головы и опускались, и только со второго раза уголки завязались под подбородком.

— Я на рынок. Сиди дома.

— Я с тобой.

— Нет.

Мама положила ладонь на косяк и постояла так. Хаят стала считать. Дошла до десяти, сбилась, начала сначала. На семи мама ушла.

Хаят вылила воду в кастрюлю и вышла во двор. Дом из кирпичей стоял, как вчера. Кукла сидела внутри.

Тимур остановился у забора и смотрел на дом из кирпичей.

— Твоя мать ходит, как бабка, — сказал он. — Моя мать видела.

— Не как бабка.

— Как бабка.

Он засмеялся и ушёл. Хаят подвинула куклу ближе к стене.

В полдень вышла Фатима с ковшом и тряпкой на плече. Посмотрела на дом из кирпичей, на Хаят, на куклу.

— Мать где?

— На рынке.

— Бог даст, — сказала Фатима и пошла дальше. В руках у неё ничего не было, кроме ковша.

Хаят сидела у дома из кирпичей, пока тень от забора не дошла до её ног. Потом вернулась в комнату. Пятно света ушло со стола. Она села на табурет, спиной к печи, и слушала. Скрип калитки. Чужие шаги. Азан позвал, и взрослые пошли к мечети.

Мама пришла, когда азан замолчал.

Она вошла и опустилась на пол у двери, спиной к побелке. Сразу на пол, не на табурет. Пальто осталось на ней. В руке у неё был свёрток в тряпке.

— Мясник дал, — сказала мама. — За полы.

В тряпке были кости, три, с тёмными кусками на концах, и одна картофелина. Хаят взяла картофелину в обе руки. Она была холодная и тяжёлая, с землёй в ямках.

— Завтра сварим, — сказала мама.

Хаят положила картофелину на стол, посередине, чтобы было видно.

Мама встала. Повесила пальто на гвоздь у двери. Петля не попала на гвоздь с первого раза. Со второго попала.

Угли в печи ещё тлели. Мама раздула их и подложила тряпку, свёрнутую жгутом. Потом сварила кости с последней луковицей. Хаят смотрела, как вода мутнеет и по ней ходят жирные пятна. В комнате запахло так, что у Хаят свело живот, и она села на руки.

Суп мама налила в чашку Хаят, почти до краёв. Себе налила в чашку с трещиной на два глотка. Кость, самую большую, положила перед Хаят. Хлеба не было.

— Я ела на рынке.

Хаят посмотрела на потолок, потом на маму. Мама пришла с рынка, и от неё не пахло едой. Только водой и луком, как всегда. Хаят видела это. Она посмотрела на мамину руку, лежавшую на столе. Ладонь была пустая, без крошки, без жирного блеска. Хаят потёрла свои пальцы друг о друга, липкие от супа, и вытерла о платье. Она не сказала.

Она обгрызла с кости тёмные куски, медленно. Потом взяла кость обеими руками и протянула маме.

— Там внутри вкусно.

Мама посмотрела на кость. Потом коротко рассмеялась, как выдохнула. Хаят запомнила звук и положила туда, где держала такие вещи.

Мама взяла кость. Хаят не видела, ела она или только держала.

Потом Хаят вымыла чашки. Воды было мало. Свою вымыла быстро. Мамину, с трещиной, она мыла долго, пальцем вдоль трещины, чтобы грязь не осталась внутри.

Потом мама посадила Хаят к себе спиной и стала заплетать ей волосы. Три пряди. Пальцы у неё были тонкие и медленные, и на второй петле она остановилась и посмотрела на свои руки, как на чужие.

— Правую на середину, — сказала Хаят.

— Знаю, — сказала мама.

Она заплела до конца. Косичка вышла кривая и тугая. Мама перевязала её ниткой, откусив нитку зубами.

Гвоздь лежал на подоконнике. Хаят взяла его и подошла к стене у матраса. Мама смотрела.

Хаят поцарапала стену. Одна линия, короткая, неровная, белая на сером.

— Что это?

— Завтра, — сказала Хаят. — Ты сказала «завтра».

Мама не ответила. Потом сказала:

— Иди сюда.

Хаят положила гвоздь на подоконник. Легла под одеяло спиной к маме. Мамина рука легла ей на живот. Рука была лёгкая, не как вчера.

К ночи ветер стих, и в комнате стало холоднее.

Хаят нашла мамину ладонь и взяла её в свои. Ладонь была холодная, холоднее, чем у неё самой. Хаят, у которой руки всегда были холодные, держала её, пока та не потеплела.

День 2

Хаят разбудила тишина. Ночью выпал снег, мелкий, как соль, и двор перестал скрипеть. Он лежал на подоконнике снаружи и не таял.

Она посмотрела на одеяло сбоку, через щёлку. Одеяло не двигалось. Она смотрела. Досчитала до пяти. До восьми. Потом одеяло поднялось, чуть-чуть, и опустилось. Хаят заметила, что тоже не дышала.

Мамины глаза были закрыты. Хаят её не разбудила.

В углу у печи щепок не было. Было только полено, толстое. Она попробовала поднять его одной рукой, потом двумя, и оно выпало и стукнуло об пол. Мама не проснулась.

Во дворе, у забора, стоял ящик с одной сломанной стенкой. Хаят вытянула из него доску. Она была мокрая от снега и тяжёлая. Хаят положила её концами на два кирпича и встала на середину обеими ногами. Доска согнулась и треснула. Снаружи она была тёмная, а внутри, где треснула, светлая и сухая. Хаят взяла щепки изнутри.

В коробке осталось две спички. Первая загорелась. Коробок она положила на печь.

Огонь был маленький. Он ел щепки быстро и просил ещё. Хаят подавала по одной.

В кастрюле стоял вчерашний суп, холодный, с белой коркой жира. Она подогрела его и налила в мамину чашку, с трещиной. Запах дошёл до матраса, и мама открыла глаза.

Мама приподнялась на локте. Хаят подошла и держала чашку снизу, пока мама пила. Мамины пальцы лежали на чашке, а держала Хаят. Вода в чашке стукалась о зубы.

— Я сегодня не пойду, — сказала мама.

— Совсем?

— Сегодня.

Мама легла. Глаза закрылись.

Воды в ведре осталось на донышке. Хаят взяла ведро.

Снег на дороге ещё не стал грязью, и под ним земля была твёрдая. Следы оставались. У красной стены ветер ударил в бок. Ручка колонки была в инее, и ладони прилипли к ней. Хаят висела на ручке всем весом, пока вода не вышла рывком, холодная до боли в зубах. Налила половину.

Она останавливалась три раза. Туфли на ней были старые, большие, с тряпкой в носке, и тряпка промокла. У калитки сидел Ахмед, в шапке, с палкой между колен. Он посмотрел на ведро, потом на её ноги. Хаят донесла ведро до двери и только тогда поставила.

Мама спала. Одеяло поднималось медленно. Хаят постояла и подождала, пока оно поднимется ещё раз.

Кость лежала на полу у матраса, под краем одеяла. Та самая, которую мама взяла вчера. Тёмное с неё Хаят вчера обгрызла, а на концах белел застывший мозг, нетронутый. Хаят подняла её. Посмотрела на маму. Посмотрела на кость.

Она унесла кость за печь, в угол, где было темно. Кость нужно было спрятать, и она сунула её за кирпич, быстро, не глядя.

Потом села у печи и долго слушала мамино дыхание. Азан позвал. Во дворе у кого-то смеялись дети, играли в камешки. Звук камешков по земле был сухой и быстрый.

Когда мама снова заснула глубоко, Хаят достала кость из-за кирпича. Достала мозг с концов кончиком ножа и слизала. Потом высасывала, пока не осталось ничего. Кость стала гладкая и пустая. Она положила её на место, за кирпич.

— Что ты жуёшь? — сказала мама. Глаза у неё были открыты.

— Ничего.

Мама посмотрела на неё. Потом отвернулась к стене.

— Ладно.

Хаят проглотила.

Дверь открылась без стука. Фатима вошла, посмотрела на печь, на пол, на маму и на Хаят и закрыла дверь, чтобы не уходило тепло. Тепла в комнате не было.

— Ты что лежишь? — сказала Фатима. — Рынок давно открыт.

Мама села. Села спиной к стене, и ей пришлось держаться за матрас обеими руками.

— Сегодня не могу.

Фатима ничего не сказала. Она посмотрела на стол.

Картофелина лежала там, посередине, как Хаят её вчера положила.

— Возьми, — сказала мама. — За хлеб. За тот, что ты давала.

— Не надо.

— Возьми.

Фатима подошла к столу. Взяла картофелину и подержала в руке. Посмотрела на маму, потом на Хаят. Положила её в карман фартука.

— Бог даст, — сказала она и вышла.

Хаят смотрела на стол. Там, где лежала картофелина, остался круг земли. Она хотела сказать: «Завтра сварим». Рот открылся, а слова не пришли.

— Мам.

— Что?

— Ничего.

Мама закрыла глаза.

Через время дверь открылась снова. Фатима стояла на пороге и держала руку за спиной.

— Иди сюда.

Хаят подошла. Фатима отдала ей корку. Твёрдую, с одной стороны чёрную от печи.

— Тебе.

— Спасибо.

Фатима смотрела на её лицо. Хаят не знала, что там.

— Не плачь, а то хуже будет.

— Я не плачу.

— Вот и не плачь.

Фатима ушла.

Хаят сидела у стола с коркой в руках. Потом разломила её на две части. Одну положила на одеяло, у мамы возле руки. Мама открыла глаза и посмотрела на корку.

— Тебе, — сказала она.

Она повернула голову к стене.

Хаят взяла свою половину. Она ела так медленно, что корка во рту успела стать мягкой, потом тёплой, потом кончилась.

Один раз у неё был белый хлеб. Мама принесла его с рынка, две лепёшки, мягкие, как подушка, и сказала, что пришли деньги от отца. Отец был слово. Но хлеб был белый, и раз он пришёл от отца, отец где-то был. Поэтому Тимуру она говорила: «Есть». В тот вечер мама смеялась три раза. Хаят считала. Три.

Вторую половину она взяла с одеяла и сунула в карман, к камешкам. Камешки стукнулись о корку глухо.

К вечеру стало холоднее, чем вчера. Из щели под дверью шёл воздух, тонкий, как нитка. Хаят подошла к двери и потянула за рукав пальто. Оно висело на втором гвозде, вбитом криво. Пальто было тяжёлое. Оно упало ей на руки, и рукав потащился по полу.

Она притащила его к матрасу и накрыла маму поверх одеяла. Потом залезла под одеяло сама и подтянула край пальто на себя. Оно пахло мамой: луком, водой, рынком.

Гвоздь лежал на подоконнике. Она встала, взяла его и подошла к стене у матраса. Рядом с первой линией поцарапала вторую. Белая на сером.

Мама не спросила.

Хаят вернулась под одеяло и легла спиной к маме. Мамина рука поднялась. Хаят чувствовала, как она идёт к ней по воздуху, медленно. Рука не дошла. Остановилась на одеяле, в ладони от её живота, и осталась там. Хаят взяла её и положила себе на живот сама. Рука была совсем лёгкая.

Она стала считать вдохи. Один. Два. Три. Между вдохами теперь было больше места. Она ждала. Вдох приходил.

День 3

Окно не гудело. Хаят проснулась от этой тишины. Снег лежал на подоконнике, как вчера. Ветра не было.

Она посмотрела на одеяло сбоку, через щёлку. Одеяло не двигалось. Мамино пальто лежало на нём складками, и складки тоже не двигались.

Хаят стала считать. Раз. Два. Три. Одеяло не поднялось. Она досчитала до десяти, потому что дальше десяти не умела, и начала сначала. Одеяло лежало ровно.

— Мам.

Она сказала это шёпотом. Потом громче.

Она села, и пальто сползло с неё на матрас. Мама лежала на спине. Глаза закрыты. Рот приоткрыт. Лицо было серое, как побелка там, где она осыпалась.

Хаят поднесла ладонь к маминому рту. Подержала. Ничего не коснулось ладони.

Она взяла мамину руку. Рука была холодная, как картофелина, которую достали из земли, и тяжёлая. Хаят держала её в обеих своих. Держала долго, пока не затекли пальцы. У неё самой руки всегда были холодные, а мамина вчера потеплела. Сегодня не потеплела.

Она перевернула руку ладонью вверх. Ладонь была пустая. Как тогда, за столом.

Хаят положила руку на одеяло, туда, где она лежала.

Потом встала и пошла к печи, потому что мама всегда говорила: пол остынет.

Щепок было шесть, остатки доски. Она поставила их домиком, как делала мама. В коробке лежала одна спичка. Хаят держала её долго, прежде чем чиркнуть. Спичка загорелась. Огонь прилип к бумаге, потом побежал вверх. Дуть она не стала.

В ведре на дне стояла вода с тонким льдом сверху. Она разбила лёд ложкой и перелила воду в кастрюлю. Поставила на печь. Ждала, пока на дне не пошли пузырьки, мелкие, потом крупнее.

Кипяток она налила в мамину чашку, с трещиной. Отнесла к матрасу двумя руками, медленно, как ведро, и поставила на одеяло у маминой руки. Пар шёл вверх прямо, потому что ветра не было. Хаят смотрела на пар. Потом пар стал тоньше, потом перестал.

Она потрогала чашку. Холодная.

Она подлила кипятка. Пар пошёл. Потом перестал.

В кармане лежали камешки. Корка, которую она вчера сунула туда, за ночь раскрошилась. Хаят высыпала крошки на ладонь и собрала языком. Их было мало. Хватило на один раз.

За стеной хлопнула дверь. Потом ещё одна. Во дворе зашаркали шаги, много, и она слышала по звуку, что обувь на них чистая: чистая обувь стучит. Пятница. Взрослые шли в мечеть. Хаят всегда оставалась дома с мамой. Азан позвал, и шаги ушли, и стало тихо, как после дождя.

Она села на пол рядом с матрасом.

— Мам, я печку разожгла.

Она подождала.

— Хорошо, — сказала Хаят. Низко, тихо, другим голосом. Потом снова своим: — Я воду вчера принесла.

— Знаю, — сказала Хаят другим голосом.

Хаят замолчала. Она ждала. Досчитала до десяти. Ответа не было. Она кивнула, как будто ответ был.

Пятно света дошло до печи. Потом ушло со стены. Огонь в печи опал, и осталась красная кучка, потом серая. Хаят подлила кипяток ещё раз, из кастрюли, но в кастрюле вода тоже остыла.

Она сидела. Ждала.

Дверь никто не открыл. Фатима не пришла, и Тимур не пришёл.

К вечеру в комнате стало так холодно, что дыхание стало видно.

Чашки стояли на столе. Свою она вымыла в остатках воды. Мамину, с трещиной, взяла в руки. В ней была холодная вода и тонкая плёнка сверху. Хаят постояла с ней. Потом поставила на стол, не вымыв, туда, где она всегда стояла.

Зелёный платок лежал у мамы под рукой. Хаят вытянула его за уголок, осторожно, и накинула себе на плечи. Вышивка была шероховатая и тёрлась о подбородок.

Гвоздь лежал на подоконнике. Она подошла к стене у матраса. Рядом с двумя линиями поцарапала третью. Некому было спросить, что это.

— Завтра, — сказала Хаят.

Она вернулась к матрасу и подтянула пальто. Накрыла им сначала маму, до подбородка, потом себя. Легла спиной к маминому боку. Бок был твёрдый. Он не двигался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.